

Круглый стол “Политическая культура украинского общества в фокусе социологии (2018–2019)”¹

Политические события последних двух лет в Украине являются интересным кейсом с точки зрения социологической рефлексии. Главным фактором такого интереса стала напряженная электоральная гонка, завершившаяся неоспоримой победой несистемного политика В.Зеленского и его команды.

Логичен в данном контексте вопрос о том, какие особенности политического сознания и поведения характеризуют общество, совершившее подобный выбор. Очевидно, что на него невозможно полностью ответить в рамках одного круглого стола. Поэтому внимание последнего было направлено на те аспекты функционирования и развития политической культуры украинского общества, которые задают координаты ее системного рассмотрения на современном этапе.

ВИКТОР ЩЕРБИНА,

доктор социологических наук, главный советник Strategic Group Sofia, Киев

Культура в политике и политика в культуре

1. Культура — специфический способ организации и развития человеческой деятельности, представленный в продуктах материального и духовного производства, в системе норм и ценностей, форм организации процессов общественной жизни и соответствующих им отношений индивида к природе, обществу и самому себе. Социология рассматривает культуру в плоскости процессов и результатов социальных взаимодействий. В этом отношении выделяется политическая культура — система исторически сложившихся политических знаний, оценок, форм поведения, основанных на ценностях, традициях и нормах, регулирующих отношения по поводу власти. Политические отношения как форма культуры формируются в контексте

¹ Круглый стол состоялся 25 октября 2019 года в конференц-зале Института социологии НАНУ. За организацию и проведение заседания отвечали сотрудники отдела методологии и методов социологии ИС НАНУ. Модератор — Сергей Дембицкий.

те исторической динамики. В фазе формирования и роста социальной системы в политическом поведении определяющую роль играют объективные факторы общественной жизни, в фазе кризиса и распада — субъективные. Соответственно в первом случае эвристически продуктивным становится представление об обществе как определяющем политическое поведение конструкте, во втором — как о формирующей среде.

2. Авторская гипотеза состоит в том, что в ситуации современного кризиса политическая культура индивида не может быть выведена из его объективных социальных интересов, обусловленных положением в обществе, поскольку она формируется в условиях кризиса политических институтов как таковых и культурной многоукладности. Это предполагает, что политические ценности, нормы и навыки следует изучать как являющиеся результатом усвоения в процессе социализации личностью одновременно нескольких типов политической культуры как части различных культурных укладов. Отсюда можно выделить архаический, традиционный, модернистский и коммуникативный типы политической культуры.

3. В мировоззренческом горизонте архаического культурного уклада собственно политические отношения не воспринимаются и не рефлексировываются как таковые, поэтому здесь отсутствуют нормативно-ценностные регуляторы, выраженные в языке политики. Политическое действие воспринимается индивидом как спонтанный и нерегулируемый компонент реализации жизненных интересов, не связанных с политической сферой. В горизонте традиционного уклада политические отношения концептуализируются в логике традиций и служения. В соответствии с этим нормы и ценности политического поведения личности понимаются как задаваемые извне, извечные и не предполагающие критического к ним отношения, а процедуры легитимации в центр ставят институты передачи традиции — этническую общность, церковь, семью, общину; их язык становится языком политики. Модерный культурный уклад формирует видение политики как совместной конструктивной деятельности по изменению жизненного мира в соответствии с имеющимися потребностями. Нормы и ценности здесь видятся как групповые, вторичные, контекстуальные, задаваемые целями совместной деятельности в процессах достижения новых общественных состояний. Механизмы легитимации, с этой точки зрения, укоренены в практиках группового общения, а политическая деятельность представляется как участие в групповой целенаправленной рациональной деятельности. В центре политической жизни видится государство-нация, социальная группа. Коммуникативный культурный уклад формирует видение политики как процесса индивидуализированной игры, общей целью которой выступает поддержание самой игры. Нормы, ценности понимаются как контекстуально задаваемые участниками политической коммуникации и направленные на актуализацию и самопрезентацию участвующих в них индивидов. В центре политической жизни оказывается коммуникация в сетевых сообществах.

4. Современные общества представляют собой культурно многоукладные среды социализации, в которых нет доминирования какого-либо одного культурного уклада, как это бывало в прошлом. Поэтому политические культуры индивидов формируются как персонафицированные комбинации компонентов различных культурных укладов. Путём эмпирического обобщения данных, получаемых в результате специализированных опросов, можно вывести ограниченное число сформировавшихся на данный пе-

риод типов таких комбинаций. На этой основе мы можем изучать и прогнозировать политическое поведение в ситуации кризиса политических институтов, который переживают современные общества.

5. Политические события в ситуации культурной многоукладности возможны лишь на основе синтеза политических культур, имеющих различную природу. Поэтому политическое действие внешне выглядит как пастись, имитация, случайное пересечение различных по своей природе групповых и индивидуальных интересов. Социологический анализ такого действия возможен на основе концепции культурной многоукладности современного общества.

ЕКАТЕРИНА НАСТОЯЩАЯ,

*кандидат социологических наук, докторант
кафедры истории и теории социологии КНУ
им. Тараса Шевченко, Киев*

Развитие гражданского общества и общества couch potatoes как основных инструментов глобальной политики

Политическая жизнь общества конвенциональных статусов, как определяет современное общество Уотерс, характеризуется падением популярности партий, снижением доверия к ним и их лидерам, нежеланием вступать под их знамена¹. Граждане всех государств с каждым годом все в меньшей степени участвуют в политической жизни. В среднем доля избирателей в 34 государствах, которые являются членами Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), приближается к 68%².

По словам Дарендорфа, “партии потеряли сначала своих постоянных избирателей, потом вообще всех избирателей. Еще в середине XX века более 90% избирателей многих стран голосовали за один из двух лагерей, которые можно четко распознать; полвека спустя их еще — 70%, но их голоса ни в коем случае не могут быть для партий надежной базой” [Дарендорф, 2006]³. Если учесть отмеченное выше, не вызывает удивления тот факт, что в течение последних десятилетий в разных странах мира уровень доверия к правительству также значительно снизился. Словенцы, финны и испанцы стали доверять власти на одну четвертую меньше, чем раньше, граждане Германии, Израиля и Исландии — на одну пятую, а среди американцев доля тех, кто к настоящему времени не утратил доверия к властям, составляет менее 50%.

¹ Waters, M. (1994). *Modern sociological theory* (pp. 344–354). London: Sage Publication.

² CivicEngagement // <http://www.oecdbetterlifeindex.org/topics/civic-engagement/>.

³ Дарендорф, Р. (2006). *Упошуках нового устрою*. Київ: Видавничий дім “Києво-Могилянська академія”.

Эти данные подтверждают выводы Р.Инглхарта об утверждении в Европе “постматериалистической” политической культуры. Ее характерными особенностями являются:

- падение у граждан уважения к власти и политическим авторитетам;
- усиление политического участия;
- переход от участия через политические партии к автономным образованиям, а также склонность к неконвенциональным (несанкционированным властями) формам политической активности;
- усиление тяготения индивидов к самовыражению, в частности в рамках выборов;
- постепенное нивелирование классового характера политических конфликтов и фокусировка конфликтов вокруг проблем культуры и качества жизни [Inglehart, 1997]¹.

Кроме того, по мнению Р.Инглхарта, в последние десятилетия обнаружили две противоречивые тенденции: одна проявлялась в снижении тех форм участия, которыми руководят элиты: таких, как членство в партиях и голосование на выборах; тогда как другая тенденция состоит в усилении индивидуально-мотивированных форм участия, являющихся “вызовом элитам” [Inglehart, 1997].

На основе исследований развитых западных демократий Р.Далтон, С.Скарроу и Б.Кейн пришли к выводу о переходе от “старой политики” (то есть поддержки партий и участия в голосовании) к “новой политике” (совещательной или консультативной демократии, подписанию петиций, участию в лоббистских группах, в референдумах и обсуждениях) [Dalton, 2004]². П.Норрис утверждает, что традиционные формы участия становятся менее популярными в западных странах, тогда как наблюдается увеличение альтернативных путей гражданского вовлечения [Norris, 2002]³. По словам исследовательницы, известные данные указывают скорее на “эволюцию, трансформацию и перестройку гражданской активности, чем на ее преждевременную смерть” [Norris, 2002: р. 4]. Созвучна и позиция Р.Инглхарта, который подчеркивает, что в демократическом постиндустриальном западном обществе снижение показателей политической мобилизации, направляемой элитами, сочетается с повышением уровня участия, что является вызовом элитам. Это объясняется сдвигом от “материалистических” к “постматериалистическим” ценностям [Inglehart, 1997].

Ульрих Бек также считает, что “противовесом трудовому обществу становится укрепление политического общества индивидов, общества активных общностей” [Бек, 2008]⁴. Наряду с работой, приносящей доход, возникает то, что Бек называет “гражданской работой”, как альтернативный источ-

¹ Inglehart, R. (1997). *Modernization and Post-Modernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. N. J.: Princeton University Press.

² Dalton, R. (2004). Advanced Democracies and the New Politics / R. Dalton, S. Scarrow, V. Cain. *Journal of Democracy* 15(1), 24–138.

³ Norris, P. (2002). *Democratic Phoenix: reinventing political activism*. Cambridge: Cambridge University Press.

⁴ Бек, У. (2008). *Космополитическое мировоззрение*. М.: Центр. исслед. постиндустриального об-ва.

ник активности и идентичности. Таким образом, конец трудового общества не означает конца работы и, ни в коей мере, не является концом деятельности; он может стать началом общества гражданской активности [Бек, 2008].

Гражданская сфера активно развивается в развитых обществах и формирует как свое отдельное пространство, так и новую гражданскую идентичность [Alexander, 2006]¹. Таким образом несмотря на то, что уровень участия граждан разных государств мира в политической жизни с каждым годом снижается, по мнению исследователей, в течение ближайших 15–20 лет обществу будет влиять на политическую жизнь все более активно. Причины этого явления, наряду с ценностным сдвигом в сторону постматериализма, заключаются в уменьшении числа бедных граждан в условиях увеличения доли представителей среднего класса в масштабах планеты. Политическая активность приобретает вид гражданской активности, декларирования и проявлений гражданской позиции, наконец, ответственности. П.Анлак и М.Шехтер пришли к выводу, что “дискуссия по поводу “прав человека” укоренилась во всех точках земного шара, несмотря на то, что до сих пор нет консенсуса по поводу специфической природы этих универсальных терминов” [Anlakh, 1999]².

Однако на фоне активизации гражданского общества и формирования креативного класса как активного фактора влияния на политику параллельно формируется и укрепляется общество *couch potatoes* [домоседов], телезрителей, которые проводят свое свободное время на диване с картофельными чипсами и наблюдают на экране за событиями в мире, в котором они больше не принимают участия, а вскоре и не смогут этого сделать [Дарендорф, 2006]³. Эта новообразованная глобальная страта является воплощением надежд на получение легких денег. Однако утрата этих надежд вместе с утратой участия в демократических процессах приводит к зарождению скрытой взрывной враждебности. В итоге неотъемлемой частью процессов глобализации становятся нарастание пространственной сегрегации, обособления и отчуждения. Ярче всего это проявляется в нарушении связей между все более глобализированными, экстерриториальными элитами и остальным населением, “локализация” которого постоянно углубляется. Это приводит к тому, что все больших оборотов набирает популизм, позволяющий “играть с новыми институтами, превращающими дурную привычку в принцип” [Дарендорф, 2006]⁴.

Эта тенденция усиливается тем, что в последнее время западное гражданское общество столкнулось с изменениями в демографической структуре населения, произошедшими в результате массовой миграции как составляющей тренда мобильности в пределах планеты. Серьезными вызовами стали также перегруженность публичного сектора, виртуализация и техно-

1 Alexander, J.C. (2006). *The civil sphere*. Oxford: Oxford University Press.

2 Anlakh, P. M. (1999). *The Multidimensionality of Globalization: A Critical Perspective in Rethinking Globalization(s): From Corporate Transnationalism to Local Interventions* / P. M. Anlakh, M.G. Schechter. London: Macmillan.

3 Дарендорф, Р. (2006). *Упошуках нового устрою*. Київ: Видавничий дім “Києво-Могилянська академія”.

4 Там же.

логизация, корпоратизация экономической сферы. Не в последнюю очередь из-за гипермиграции начали укреплять свои позиции праворадикальные политические партии.

Именно в этих амбивалентных трендах отражается противоречивая природа глобализации в мировой политике и гражданской сфере: во-первых, появились новые ценности и правила ответственности в масштабах планеты, новые формы практики участия ответственности и объединения для решения острых вопросов сегодняшних жителей планеты — так называемая глобализация “снизу”; во-вторых, значительное количество стран и граждан оказались отстраненными и даже исключенными из современной системы наднационального управления в результате недостаточной институциональной представленности; в-третьих, значительная бюрократизация общественных организаций международного значения, способных воспроизводить закрытую практику деятельности ТНК [Білокопитов, 2016]¹.

Таким образом, общность политических, государственных и властных функций в условиях глобализации все больше стандартизируется на основании идеи европоцентризма; одновременно возрастает роль нестандартных, гибридных проявлений в современной политике, когда вместе с развитием креативного класса усиливается роль сообщества *couch potatoes*, которые благодаря своей массовости ощутимо влияют на политику, содействуя распространению популизма.

ОЛЬГА ИВАЩЕНКО,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальных структур Института социологии НАН Украины, Киев

Феномен абсентеизма: в поисках социологических интерпретаций

Показатели явки или уровня активности избирателей в голосовании, независимо от избирательной системы, всегда служат важным измерительным инструментом уровня демократии в свободных неавторитарных обществах. В странах “старой демократии” обычно “в спокойном состоянии” доля тех, кто не голосует, не превышает 20%; в частности, в Германии, и даже в политической истории Великобритании — колыбели парламентаризма — резкое возрастание явки до 40% наблюдалось только в 1990-х. На внеочередных выборах в Верховную Раду 2019 года доля избирателей, которые пренебрегли своим правом голоса, возросла до исторического максимума в

¹ Білокопитов, Д.В. (2016). Глобалізація як чинник впливу на сучасне громадянське суспільство. *Державне будівництво*, 1. Retrieved from: <http://www.kbuapa.kharkov.ua/e-book/db/2016-1/doc/5/01.pdf>

постсоветской Украине — до 50,75%, тогда как в начале эпохи независимости, в 1991 году таких насчитывалось всего 16%. Следовательно, более чем 15 млн избирателей не проголосовали, что может свидетельствовать о возникновении явления абсентеизма в электоральном процессе страны.

Абсентеизм как антипроявление электорального поведения, воплощающийся в равнодушном отношении к своим гражданским и политическим правам или *сознательном уклонении от участия в голосовании*, за годы постсоветских трансформаций достиг угрожающих размеров в плане становления и развития демократии в Украине. Причины количественного роста тех, кто отказывается от участия в выборах, могут быть разными — *от невозможности до нежелания*. Социологи обычно называют основными по крайней мере высокий уровень недоверия к политическим институтам или просто отстраненность от политики, то есть аполитичность.

Однако по данным мониторинга ИС НАНУ, только **20%** респондентов признали свое неучастие в выборах 2019 года. Такой заниженный показатель по сравнению с реальными данными ЦИК говорит о том, что респонденты знают общественно одобряемый ответ, но пополняют группу активных избирателей исключительно в рамках опросника. Часто ответы тех, кто на выборах 2019 года голосовал и не голосовал, перекликаются, что не позволяет исследователю обнаружить что-либо значимое при сравнении этих двух групп. Разочарование, недоверие к политическим институтам в равной мере присущи представителям обеих групп. Однако если обрисовать условный социологический портрет граждан, уклонившихся от участия в выборах, окажется, что даже признавая важность демократии, они не слишком ассоциируют ее с правом и возможностью участвовать в конкурентных выборах, с весомостью своего голоса на выборах. Опять-таки, около 73% тех, кто не голосует, положительно оценивают роль демократии для развития общества, но только 38% из них отмечают, что среди существующих политических партий и движений все же есть те, кому можно верить власть, то есть для них не совсем безнадежным представляется политическое поле в Украине, поэтому при *желании* им было бы из кого выбирать представителей власти.

Доли удовлетворенных и недовольных своим положением в обществе среди тех, кто не голосовал, почти одинаковые — 35% : 38%, а разочарованные составляют 78,5%. В ответах о факторах того, как складывается жизнь, тоже обошлось без сенсаций: 17% данной категории респондентов считают, что все зависит от внешних обстоятельств, 25% — что частично от них самих, но больше от внешних обстоятельств, а 32% указывают, что в равной мере это зависит и от них, и от обстоятельств; только 15% связывают все в большей мере с собой, чем с внешними обстоятельствами. Уместно будет отметить, что, отвечая на вопрос о причинах неучастия людей в деятельности общественных организаций, 55% пассивных избирателей ссылаются на безразличие к общественной жизни; причем почти все они — 96,7% — не относятся ни к одной общественной или политической организации, а 61% из них отказываются от участия в митингах. Важное значение, учитывая ответственность за положение дел в государстве, всегда имеет позиция относительно собственной причастности к этим делам, и среди пассивных избирателей около 50% заявили, что не несут никакой ответственности, 31% — что несут, но частично, и лишь 10% — что полностью. Что касается важности активизации ответственности общества, то с этим согласны только 20% из их числа.

К общему портрету неголосующих следует добавить, что треть из них (35,4%) проживают в сельской местности, 23% — в городах с не менее чем 250 тыс. населения и 17,5% — в малых городах. Доля женщин незначительно выше (51%), чем доля мужчин (48,7%); до 40% составляют наемные работники и до 30% — незанятые; больше всего представлены граждане в возрасте 30 лет (до 10%); почти 40% имеют среднее специальное образование, 30% — высшее. При этом 43% пребывают в постоянном поиске себя в нынешней жизни. Это — люди преимущественно (62%) среднего имущественного сословия, хотя и бедных среди них немало — почти треть. Представляется все же, что не следует поспешно обобщать, будто неактивные избиратели — это бедные, необразованные, равнодушные люди, которые не видят никаких альтернатив на политическом поле. Однако вероятность того, что определенное отчуждение этой электоральной группы может в дальнейшем отразиться на многих важных решениях государственного значения, вполне реальна. Учитывая политические ориентации группы пассивных избирателей в отношении вектора развития страны, стоит отметить, во-первых, что 50% из них признались, что, дескать, ничего не знают о положениях Соглашения об ассоциации Украины с ЕС; во-вторых, 73% проголосовали бы на референдуме за вступление в ЕС, если таковой будет; в-третьих, половина из них ответили, что будут участвовать в референдуме, тогда как 30% ответили, что не будут. На фоне активных избирателей, голосовавших в ходе выборов в ВР, среди которых эти показатели соотносятся как 71% к 17%, это весьма показательно.

Подводя итоги, следует обратить внимание на вопросы политического просвещения, как, видимо, и качества образования в стране в целом; в этом контексте проблема когнитивности все же имеет значение, как и проблема доступа к разным источникам адекватной информации о политической и общественной жизни в стране. Нельзя ограничиваться сугубо контентом имеющихся информационно-развлекательных телеканалов, которые скорее занимают манипуляцией общественным мнением в пользу собственников этих каналов и соответствующих политических групп влияния, а не граждан.

И в завершение замечу, что уже назрела потребность в осуществлении специального социологического исследования явления абсентеизма с применением методов качественной социологии, и статистического анализа, поскольку методы количественной социологии здесь срабатывают недостаточно.

МИХАИЛ МИЩЕНКО,

кандидат социологических наук, заместитель директора социологической службы Украинского центра экономических и политических исследований им. А.Разумкова, Киев

Влияние психологического возраста на социально-политические ориентации

При операционализации понятия “психологический возраст личности” я использовал подход, предложенный Е.Головахой и А.Кроником. Психологический возраст респондентов эти авторы определяли по “внутреннему ощущению” своего возраста¹. Исследование, проведенное ими в начале 80-х годов прошлого века по выборке, составлявшей 83 человека в возрасте от 21 до 44 лет, в частности, показало, что занижают собственный психологический возраст по сравнению с хронологическим респонденты значительно чаще, чем завышают.

По данным опроса, проведенного Центром Разумкова в 2017–2019 годах², занижают свой психологический возраст по сравнению с хронологическим хотя бы на один год 51% респондентов, а завышают — 12%; только у 25% опрошенных психологический возраст полностью совпадает с хронологическим (12% не смогли определить свой психологический возраст). То есть опросы, проведенные с интервалом более чем в 30 лет, показали довольно устойчивые результаты.

Среди респондентов в возрасте от 18 до 24 лет доля занижающих свой психологический возраст по сравнению с хронологическим самая низкая (31%). Среди тех, кому 25–29 лет, она возрастает до 50%, а в возрастных группах от 30 до 59 лет она колеблется в пределах 55–58%. После 60 лет наблюдается тенденция к уменьшению доли таких респондентов (среди тех, кому 60–69 лет, — 51%, а среди тех, кому 70 и больше, — 44,5%).

Эти данные подтверждают гипотезу Е.Головахи и А.Кроника о психологическом “перекачивании” времени жизни от менее ценной его составляющей к более ценной³, что и обуславливает меньшую (по сравнению с представителями средних возрастных групп) долю среди лиц старшего возраста тех, кто склонен занижать свой психологический возраст.

Однако хотя феномен занижения психологического возраста в самой старшей возрастной группе выражен меньше, чем у представителей средних возрастных групп, доля занижающих свой психологический возраст все равно в этой возрастной группе превышает долю тех, кто его завышает, более чем втрое.

Возрастная группа от 18 до 24 лет — единственная, где доля склонных занижать свой психологический возраст по сравнению с хронологическим, меньше доли тех, чей психологический возраст совпадает с хронологическим. Во всех остальных возрастных группах доля пытающихся приуменьшить психологический возраст по сравнению с хронологическим, превышает

¹ Головаха, Е.И., Кроник, А.А. (1984). *Психологическое время личности* (с. 102). Киев: Наукова думка.

² Использовались результаты четырех опросов, проведенных социологической службой Центра Разумкова с декабря 2017 года по март 2019-го по выборке, репрезентативной для взрослого населения Украины (за исключением оккупированных территорий) в возрасте от 18 лет. В результате был создан аккумулированный массив данных этих исследований, который охватывал данные опросов 8060 респондентов. Психологический возраст определялся по ответам респондентов на вопрос: “Довольно часто люди психологически ощущают себя по возрасту старше или младше своего настоящего возраста (который указан у них в паспорте). А на сколько лет Вы себя ощущаете?”

³ Головаха, Е.И., Кроник, А.А. (1984). *Психологическое время личности* (с. 105). Киев: Наукова думка.

ет долю тех, у кого психологический возраст совпадает с хронологическим, в 1,6–2,8 раза.

Это наводит на мысль о том, что существует еще один фактор, определяющий феномен “консервации возраста”, а именно существование определенной “референтной возрастной группы”, на которую (по возможности) стремится быть похожей значительная часть членов общества. Судя по приведенным данным, такой референтной возрастной группой является молодежь. Ж.Бодрийяр пишет о “культе молодости”, доминирующем в современном обществе. По его мнению, сегодня в обществе внешняя красота, здоровое тело, “сексапильность” относятся к атрибутам общественного успеха и благополучия¹.

О том, что общественный успех ассоциируется в массовом сознании с молодостью, свидетельствуют и результаты упомянутого выше исследования Центра Разумкова — во всех возрастных группах доля оценивающих свой психологический возраст, ниже, чем хронологический, тем больше, чем выше они оценивают собственный уровень благосостояния. Также доля тех, кто оценивает свой психологический возраст ниже хронологического, больше среди респондентов, которые чувствуют себя счастливыми или довольными жизнью, если сравнивать с теми, кто чувствует себя несчастным или недовольным.

Еще одним фактором, который может обуславливать восприятие молодежи как референтной группы, является то, что в современной культуре и, соответственно, в массовом сознании молодое поколение ассоциируется с “прогрессивными социальными изменениями”, то есть считается, что молодые люди чаще поддерживают такие изменения и способны их воплощать.

Предметом данного исследования была связь между психологическим возрастом респондента (точнее, уровнем занижения респондентом психологического возраста по сравнению с его хронологическим возрастом) и общественно-политическими ориентациями. Как известно, определенные общественно-политические ориентации в разной степени разделяют представители разных поколений. Как правило, этот факт отражается в массовом сознании. Таким образом, можно говорить об “ассоциирующихся с возрастными группами” общественно-политических ориентациях. Те общественно-политические ориентации, которые в большей мере выражены в младших возрастных группах по сравнению со старшими, будем называть ювенально-ассоциируемыми общественно-политическими ориентациями.

Можно предположить, что соблюдение ювенально-ассоциируемых общественно-политических ориентаций и ценностей связано с изменением возрастной идентичности — индивид чаще пытается идентифицировать себя с более младшей возрастной группой, чем та, к которой он в действительности принадлежит.

Рассмотрим одну из таких общественно-политических ориентаций, а именно отношение к вступлению Украины в Европейский Союз. Поддержка вступления в ЕС заметно возрастает со снижением возраста опрошенных — с 48% среди респондентов в возрасте от 60 лет и старше до 69% среди тех, кому от 18 до 29 лет.

¹ Бодрийяр, Ж. (2006). *Общество потребления. Его мифы и структуры* (с. 180). Москва: Республика; Культурная революция.

Среди тех респондентов, которые на референдуме проголосовали бы за вступление Украины в ЕС, люди, занижающие собственный психологический возраст по сравнению с хронологическим, составляют большую долю (56%), чем среди тех, кто проголосовал бы против вступления в ЕС (42%), и меньшую долю составляют те, кто завышает свой психологический возраст (соответственно 10% и 17%). Корреляционное отношение (коэффициент η , характеризующий влияние разности между психологическим и хронологическим возрастом респондентов на отношение к вступлению в ЕС), равно 0,226. Следовательно, поддержка вступления в ЕС связана не только с хронологическим возрастом респондентов, но и с восприятием себя как более молодого, чем на самом деле.

Можно констатировать, что склонность респондентов воспринимать собственный психологический возраст как более низкий по сравнению с хронологическим возрастом связана с восприятием молодежи как референтной возрастной группы. В свою очередь, восприятие молодежи как референтной социально-демографической группы объясняет, почему ценности и ориентации, которые разделяет молодежь, имеют тенденцию распространяться также среди представителей средних и старших возрастных групп.

ЕЛЕНА КНЯЗЕВА,

кандидат социологических наук, доцент кафедры региональной политики и публичного администрирования Одесского регионального института регионального управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, Одесса

Общие тенденции институционального доверия в современном украинском социуме: перезагрузка методологии

Проблема доверия граждан к политическим и государственным институтам актуальна и популярна как среди ученых, так и среди управленцев. Показатели доверия к социальным и политическим институтам присутствуют практически во всех мировых, общенациональных и региональных исследованиях ведущих социологических центров. Однако при наличии большого количества эмпирических исследований остается очень много методологических и методических проблем, далеких от разрешения.

При наличии огромного количества зарубежных и отечественных публикаций, а также множества эмпирических исследований, в которых рассматриваются проблемы институционального доверия, дискуссионными и неразрешенными остаются многие методологические и методические вопросы, а именно:

- 1) теоретические интерпретации институционального доверия (Institutional Trust);
- 2) проблема происхождения/природы институционального доверия (основные факторы, которые его обуславливают в современных условиях);
- 3) проблема эффектов институционального доверия (исследование в рамках реверсивной связи), а именно: влияние институционального доверия на общество и влияние институционального доверия на политические институты; дискуссионным остается и вопрос, что представляет собой институциональное доверие — причину или следствие эффективности политических институтов;
- 4) проблема взаимосвязи (инверсии) институционального доверия (Institutional Trust) и межличностного доверия (Interpersonal Trust);
- 5) проблема измерения этого сложного и многогранного социального феномена, а именно: отсутствие оригинальной методики измерения уровня и эффектов институционального доверия; анализ научных источников и результатов эмпирических исследований показывает наличие пробелов в критериях оценки и методике измерения институционального доверия в массовых опросах.

Особенности национального характера, исторические факторы, социальные и революционные потрясения наложили свой отпечаток на атмосферу (не)доверия в современном украинском обществе. Социологические исследования в Украине, проводившиеся в годы независимости разными социологическими центрами, показывали противоречивый характер феномена доверия в украинском обществе. Интерес к теме доверия усиливается в периоды нестабильности и социальных изменений, когда недоверие к политическому строю или режиму со стороны широких слоев населения становится ресурсом трансформации общества. Кроме того, теоретики доверия утверждают, что вопрос о доверии актуализируется в ситуациях неопределенности и рисков (Н.Луман, Н.Штомпка).

Определяя “институциональное доверие”, ученые и исследователи часто отождествляют понятия “институциональное доверие” и “политическое доверие”. В рамках исследования политического доверия сформировались две теоретические традиции интерпретации политического доверия: культурологическая и институциональная.

Культурологическая теоретическая традиция интерпретации доверия представлена теориями политической культуры Г.Алмонда и С.Верба, Р.Инглхарта, Р.Путмана. Эти теории исходят из гипотезы об экзогенной относительно политической сферы природе политического доверия. С культурологической точки зрения, *политическое доверие является продолжением межличностного доверия, которое формируется в период ранней социализации и в дальнейшем влияет на индивидуальные оценки политических институтов.* Политическое доверие рассматривается здесь как составляющая социального капитала (Social Capital), а межличностное доверие (исходя из положения об экзогенности происхождения политического доверия) — как основание для формирования политического доверия.

В рамках культурологического направления выделяются макрокультурологические и микрокультурологические теории доверия. Макрокультурологические теории подчеркивают сходство национальных традиций,

норм, ценностей, микрокультурологические — фиксируют внимание на отличиях индивидуального опыта социализации.

Институциональные концептуальные интерпретации политического доверия акцентируют внимание на эндогенной природе доверия и рациональности доверия (то есть его обусловленности внутривнутриполитическими факторами, связанными с политическим и экономическим курсом правительства, оценками со стороны граждан уровня эффективности текущей политики). Логика теории такова, что институциональное доверие рассматривается как следствие, а не причина эффективности действующих политических институтов. Если политические институты действуют эффективно, то они генерируют доверие, а в противном случае — скептицизм и недоверие. Институциональные положения представлены в работах Дж.Колемана, П.Дазгупты, К.Оррена, С.Скоуронека, К.Шепсла и др.

Институциональные теории, как и культурологические, дифференцированы на макро- и микротехории. Макроинституциональные теории доверия акцентируют внимание на такой проблеме, как общие показатели эффективности политики, эффективности управления, снижения коррупции, что и определяет институциональный и политический выбор граждан. Микроинституциональные теории в качестве значимых детерминирующих факторов акцентируют индивидуальные ценности и социальное положение граждан.

Результаты анализа данных пяти волн Европейского социального исследования (2004–2012) свидетельствуют о том, что по показателям институционального доверия (к парламенту, политикам, политическим партиям, судебной системе и т.п.) Украина занимала тогда крайние позиции и демонстрировала один из самых низких в Европе общих уровней доверия¹. Не давали оснований для оптимизма и данные мониторинговых исследований Института социологии НАНУ, которые ведутся с 1992 года.

Среди социальных институтов респонденты больше всего доверяют семье, церкви, благотворительным фондам. Их рейтинги остаются весьма высокими и почти не меняются. А вот динамика изменений и степень доверия к президенту до 2018 года имела устойчивую тенденцию к снижению. В 2018 году президент, Верховная Рада и политические партии имели самые низкие рейтинги доверия, что дает основания утверждать, что приход к власти нового президента и его политической силы был предопределен. Ситуация значительно изменилась после выборов шестого президента Украины. Уже в сентябре 2019 года, по данным опроса Центра им. А.Разумкова, президенту Зеленскому доверяли 79%. По этому показателю глава государства опережает все органы власти и социальные институты — даже солдатам, волонтерам, полиции и представителям церкви украинцы доверяют меньше. Более того, в истории Украины еще ни один глава государства не имел настолько высокого уровня доверия.

Анализ динамики институционального доверия граждан Украины свидетельствует, что оно очень мало или вовсе не связано с динамикой социально-экономической ситуации в Украине и ее оценок в массовом сознании граждан. Поскольку показатели доверия к власти субъективны и относи-

¹ Головаха, Е., Костенко, Н., Макеев, С. (2014). *Общество без доверия* (с. 120). Киев: Институт социологии НАН Украины.

тельны, оценить их уровень можно только в сопоставлении с другими показателями доверия: к другим институтам в одном исследовании, к тем же самым институтам в иных исследованиях, в том числе и международных.

Радиус доверия (Фукуяма) в Украине ограничен семейными связями и контактами с ближайшим окружением. Динамичнее всего за годы независимости Украины меняется уровень доверия граждан к президентам Украины. После президентских выборов президенты Украины получают кредит доверия граждан, который в период между выборами исчезает. Самым высоким был кредит доверия в 2005 году после избрания Виктора Ющенко — ему доверяла почти половина избирателей (по данным ИС НАН Украины) и в 2019 году после избрания Владимира Зеленского — ему доверяют почти 80% (по данным Центра им. А.Разумкова).

Следовательно, результаты исследования такого сложного многофакторного явления, как “институциональное доверие”, в контексте выяснения причин доверия между разными элементами украинского общества могут быть использованы для повышения сплоченности отечественного социума ради реализации целей устойчивого развития, предотвращения социальных и другим конфликтов, повышения эффективности социально-политических, экономических и других реформ.

НАТАЛИЯ ГЛЕБОВА,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии МГПУ им. Богдана Хмельницкого, Мелитополь

Политическая компетентность специалистов водного транспорта как социальный ресурс устойчивого развития приморских регионов Украины

Актуальной задачей социологической науки является детализация направлений применения социологических знаний и средств прогностики в изучении проблематики политической компетентности как фактора трансформации трудовой деятельности специалистов морских профессий региона, а также и исследования состояния и перспектив активизации человеческого фактора в социально-экономическом развитии местных общин приморских районов для уменьшения социальных рисков настоящего времени. Социологический анализ политических факторов современных социокультурных трансформаций профессиональных страт приморского региона, по нашему мнению, позволяет выявить перспективные подходы к адаптации традиционных профессиональных групп приморских регионов Украины в условиях трансформирования морских отраслей.

Политический компонент в последние пятилетия привел к значительным изменениям традиционного уклада украинского поморья, жизнедеятельности “человека моря”, условий его хозяйствования и социального развития региональных сообществ выраженной “морской” ориентации. Поэтому потребность в изучении политической составляющей такого рода феноменов в полной мере касается группы украинских регионов, исторические процессы развития которых отличаются высокой социодинамикой благодаря именно морскому фактору, в частности развитию перспективных отраслей приморских территорий и разработки морских ресурсов. Результаты ряда междисциплинарных исследований отечественных и зарубежных ученых, а также предыдущих авторских разработок дают основания констатировать, что по многим причинам Украина не в полной мере использует свое конкурентное преимущество морского государства, имея выгодное экономико-географическое расположение в географическом центре Европы, что определяет перспективы развития многих морских отраслей, которые традиционно обеспечивали базовые социальные стандарты благосостояния населения и социокультурного развития морских регионов.

Социологическое размежевание предметного поля исследуемых проблем развития приморских регионов ныне демонстрирует разнородность подходов и многообразие сфер деятельности, а также необходимость разных ракурсов освещения проблем непосредственно “человека моря” (seafarers), морского сообщества (seafaring communities), особенностей жизни и работы на море, особенностей данных сред, социальных аспектов и т.п.

Несмотря на значительные проблемы с развитием собственного флота, потенциал Украины как морского государства определяется прежде всего наличием высококвалифицированных специалистов. Отраслевая статистика свидетельствует, что около 40% всех экипажей на судах европейских судовладельцев ныне укомплектованы специалистами — выходцами из Украины, а в общемировом рейтинге представительства стран при формировании международных экипажей доля украинских моряков составляет от 8% до 10%.

Данные статистических источников, отраслевых исследований, которые подкрепляются экспертными оценками, свидетельствуют, что несмотря на сложные условия социально-экономического развития (в частности, связанные с аннексией Крыма и временным прекращением деятельности многих учреждений системы водного транспорта), в стране сохранились основные мощности по подготовке специалистов, и Украина является одним из пяти основных государств, обеспечивающих мировой рынок труда высокопрофессиональными морскими кадрами (ежегодно около 200 тыс. отечественных специалистов несут вахту в рубках и технических отделах судов, причем 75% всех нанятых отечественных кадров — командный состав).

Кроме того, в Украине создана мощная база для подготовки значительного количества специалистов водного транспорта самого высокого уровня квалификации и накоплен огромный совокупный отраслевой опыт их подготовки. Соглашение об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом предусматривает конкретные меры, рубрицированные морской тематикой (см. “Сотрудничество в сфере науки и технологий” (ст. 374–377), “Политика в сфере рыболовства и морская политика” (ст. 407–414), “Окружающая среда” (ст. 360–366) и т.п.) и связано с государственной морской политикой в части, касающейся сферы научных исследований; поэтому есть все

основания считать, что в процессе рыночных преобразований морская экономика Украины не отгораживается от мирового рынка, а наоборот — является органичной составляющей этого рынка. Однако специалисты морского права отмечают важность и значимость внедрения международных норм в национальные: задача присоединения Украины к важным международным актам, их имплементации в национальное законодательство, ратификации Украиной Международных конвенций и разработки современного Морского устава.

Поскольку многие моряки — граждане Украины вступают в правоотношения с субъектами торгового мореходства других государств, регулируемые международными договорами, исследователи проблемы подчеркивают важность соблюдения положений этих документов в отношении моряков как членов экипажей судов и моряков как граждан Украины. Интегрированность в международную систему, по их мнению, должна ускорить принятие законов и нормативных документов, которые обеспечат разумные основания и прозрачность трудовых отношений на флоте. Как можно видеть, политическая составляющая сознания современного человека формируется на пересечении экономического и социального, гражданского и профессионального, юридического и морального, корпоративного и командного взаимодействия в процессе деятельности. Влияние политического фактора на состояние ресурсов социальных связей (включенность личности в социум) во многих видах деятельности играет значимую роль в адаптации специалиста на рынке труда, однако большинство эмпирических исследований профессиональных групп почти не рассматривают политико-культурные аспекты как отдельный элемент в структуре изучения, поэтому очевидна потребность в углубленных исследованиях в этом направлении.

Выводы. Значение политических факторов влияния на развитие сегоднешней Украины все больше осознается в контекстах новых социально-демографических реалий, обуславливаемых не только тенденциями кризиса прежних социальных и экономических структур общества, но и новыми формами проявления социальной, миграционной и профессиональной активности граждан, которые в социологическом измерении принадлежат к разным социокультурным стратам и являются носителями определенных признаков — репрезентативных маркеров мировоззренческо-ценностных, ментальных, коммуникативных или иных характерных особенностей этнических, профессиональных или т.п. социальных групп, образующих социально-политическую структуру украинского общества. Изучение роли и значения политической компетентности специалистов отрасли водного транспорта важно также в контексте исследований регионального развития (моряки являются весьма многочисленной и значимой для развития экономики нашего государства социально-профессиональной стратой, одной из первых среди профессиональных групп украинского рынка труда, которая начала полноценно действовать в условиях рыночного хозяйствования и которая напрямую инвестирует в экономику Украины не менее двух миллиардов долларов ежегодно, обеспечивая социальное благосостояние более чем полмиллиона людей). В то же время уровень развития социально-политической компетентности представителей этой страты, в частности ее гражданской и политической культуры, является достаточно объективным кри-

териум состояния и перспектив успешного ресурсного интегрирования Украины в мировой рынок.

Социологический подход к рассмотрению политической компетентности должен учитывать не только сугубо политические, но и правовые, экономические, социальные, экологические, культурные и др. аспекты развития личности, общины, региона и стремиться к достижению баланса этих компонентов благодаря полученным знаниям, чтобы обеспечить гармоничное развитие. Поэтому сегодняшняя задача “социологии моря”, без сомнения, состоит в соблюдении определенного баланса в подходах и методологии, чтобы полученными знаниями обеспечить экспертов как можно более полными научными данными о состоянии социально-культурной и трудовой среды человека на море и предоставить действенную методологию их мониторинга как перспективного средства прогностики и управления разнообразными процессами социального развития.

СЕРГЕЙ ДЕМБИЦКИЙ,

доктор социологических наук, старший научный сотрудник отдела методологии и методов социологии Института социологии НАН Украины, Киев

Враждебность и межличностная сензитивность как характеристики общения о политике: кейс Украины¹

В процессе разработки индикаторов социологического теста, который был назван “Политико-психологическая напряженность”, были использованы адаптированные индикаторы враждебности и межличностной сензитивности из SCL-90-R, а также сформулирован ряд новых (см. табл. 1). Несмотря на формальное наличие двух смысловых факторов, враждебность и межличностную сензитивность я оценивал как некоторую латентную переменную, отвечающую за уровень конфликтности индивида в ситуациях, связанных с политическими дискуссиями и спорами.

В самом инструменте, прежде чем спросить о частоте проявления указанных выше переживаний, ощущений и мыслей, был заложен вопрос-фильтр относительно факта участия респондента в соответствующем общении за последние полгода (как в реальной жизни, так и в интернете).

¹ Исследование проведено в рамках НИР “Политическая культура украинского общества: тенденции развития в условиях новейших вызовов” (№ 0118U005390) по бюджетной программе 6541230 Национальной академии наук Украины.

Таблица 1

**Индикаторы социологического теста
“Политико-психологическая напряженность”**

№	Индикатор
1	Чувство недовольства людьми, которые высказывают очевидно ошибочное мнение о политических процессах
2	Легко возникающее раздражение, связанное с обсуждением политических проблем
3	Ощущение, что при обсуждении политиков и их действий с людьми, отстаивающими противоположную точку зрения, ваши собеседники переходят границу дозволенного в общении
4	Желание прекратить и не возобновлять общение с людьми, позиция которых по политическим вопросам не выдерживает никакой критики
5	Ощущение, что люди, которые спорят с Вами о национальной или международной политике, просто не хотят Вас понять
6	Импульс изъясняться на повышенных тонах при обсуждении острых политических проблем
7	Ощущение, что люди, которые отстаивают противоположную политическую позицию, настроены враждебно
8	Чувство, что Вы слишком часто участвуете в спорах на политические темы

Для оценки качества инструмента был проведен опрос среди пользователей социальной сети “Facebook” ($N = 475$). Подавляющее число наблюдений было собрано в Киеве и Киевской области, Харькове и Львове (см. табл. 2). В указанных городах осуществлялся контроль с целью опроса приблизительно одинакового числа респондентов среди мужчин и женщин. Средний возраст опрошенных — 43,5 лет. Количество респондентов в возрасте от 18 до 30 лет составляет 136 (28,8%), от 31 до 55 — 198 (41,9%), от 56 и старше — 143 (29,2%).

Таблица 2

Распределение респондентов по полу в разных локациях опроса

Локация	Женщины	Мужчины
Киев, Киевская область	104	102
Харьков	50	44
Львов	43	45

Форма распределения аддитивного значения теста визуально напоминает нормальное (см. рис. 1). Среднее значение в целом по выборке составило 10,5 (при возможном диапазоне значений от 0 до 24), стандартное отклонение — 4,4, первый квартиль — 7, медиана — 10, третий квартиль — 13.

Изучение факторной структуры методики (все индикаторы были включены в общий фактор) с помощью подтверждающего факторного анализа показало высокое качество модели для женщин и посредственное — для мужчин. По этой причине для подвыборки мужчин был проведен сетевой анализ взаимосвязей индикаторов теста (коэффициент γ , метод Беньямини—Хохберга, сетевая визуализация статистически значимых взаимосвя-

зей). Полученные результаты (см. рис. 2) позволили выдвинуть обоснованные гипотезы о факторной структуре изучаемого явления в случае мужчин.

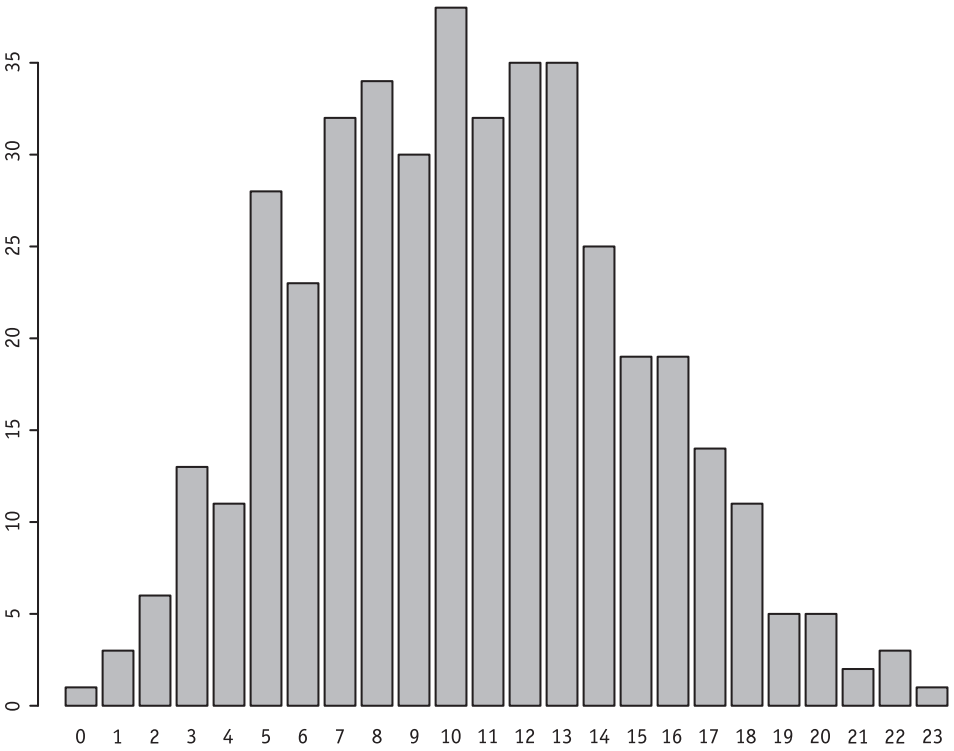

Рис. 1. Распределение аддитивного значения социологического теста “Политико-психологическая напряженность”

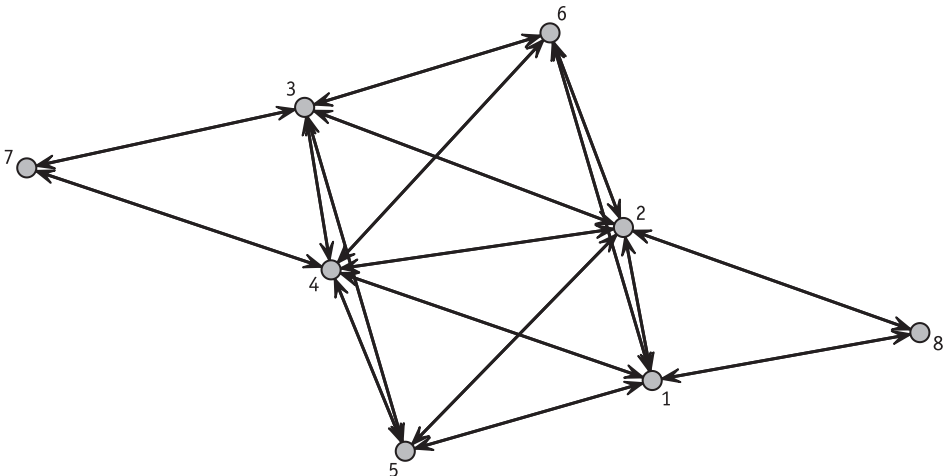

Рис. 2. Результаты сетевого анализа взаимосвязей индикаторов теста “Политико-психологическая напряженность”

В итоге был определен дополнительный фактор, включающий индикаторы №№ 3, 4 и 7. Сила связи между факторами — 0,71. Соответствующая факторная структура характеризуется не менее высоким качеством модели, чем у женщин (см. табл. 3). Таким образом, методика характеризуется высокими показателями факторной валидности как для женщин, так и для мужчин.

Таблица 3

Показатели факторной валидности для мужчин и женщин

Показатель	Женщины	Мужчины, 1 фактор	Мужчины, 2 фактора
χ^2 (DWLS)	20,1	45,4	18,1
DF (степени свободы)	20	20	19
χ^2 / DF	1	2,3	1
arp-value	0,45	0,001	0,52
RMSEA (< 0,05)	0,004	0,08	0,00
CFI (> 0,95)	1,0	0,98	1,00
TLI (> 0,95)	1,0	0,97	1,00

Исходя из результатов валидизации теста, был осуществлен анализ выраженности политико-психологической напряженности в различных социальных и демографических группах. Демографические переменные (локация, пол и возраст) оказывают сравнительно невысокое влияние на уровень политико-психологической напряженности (см. табл. 4–5).

Таблица 4

Выраженность политико-психологической напряженности в зависимости от локации и пола респондентов, средние значения

Локация	Величина ППН	
	Женщины	Мужчины
Киев, Киевская область	9,4	10,2
Харьков	10,2	11,0
Львов	10,9	11,0

Таблица 5

Выраженность политико-психологической напряженности в зависимости от возрастной группы респондентов, средние значения

Возрастная группа	Величина ППН
Молодежь (18–30)	9,9
Средний возраст (31–55)	10,6
Пожилой возраст (56+)	11,0

Более интересную информацию дают социальные переменные: идеологические предпочтения, интерес к политическим новостям, общение с идейными оппонентами на политические темы, голосование на выборах в Верховную Раду (см. табл. 6–9).

Таблица 6

Выраженность политико-психологической напряженности в зависимости от возрастной группы респондентов, средние значения

Идеологические предпочтения	<i>n</i>	Величина ППН
Полностью левые: социалистические или коммунистические	12	14,2
Скорее левые: социал-демократические	38	11,1
Центристские: экономические программы правых, социальные программы левых	75	10,2
Скорее правые: национал-демократические	117	10,9
Полностью правые: националистические	43	12,6
Сложно сказать	164	9,3

Таблица 7

Выраженность политико-психологической напряженности в зависимости от частоты интереса к политическим новостям, средние значения

Частота интереса	<i>n</i>	Величина ППН
Практически каждый день. Стараются не пропускать	226	11,1
Точно не каждый день. Когда есть возможность и настроение	183	9,7
Практически никогда не интересуется	26	8,3

Таблица 8

Выраженность политико-психологической напряженности в зависимости от частоты обсуждения политических вопросов с идейными оппонентами, средние значения

Частота общения	<i>n</i>	Величина ППН
Несколько раз за последние полгода	140	8,8
Хотя бы раз в месяц	117	10,5
Хотя бы несколько раз в неделю	98	11,3
Практически каждый день	70	12,5

Таблица 9

Выраженность политико-психологической напряженности в зависимости от возрастной группы респондентов, средние значения

Электоральные сегменты	<i>n</i>	Величина ППН
Слуга народа	101	9,5
Голос	39	9,8
Не участвовал(-а) в выборах	112	10,1
Батькивщина	16	10,9
Европейская солидарность	122	11,2
Оппозиционная платформа — За жизнь	20	13,5

Подводя итоги проведенного исследования, можно сказать о следующем. Во-первых, социологический тест “Политико-психологическая напряженность” характеризуется высокими показателями факторной валидности, а также демонстрирует распределение, которое отвечает природе феномена стресса. Во-вторых, существует ряд социальных групп, в которых уровень психологического дистресса, вызванного обсуждением политики с идейными оппонентами, является достаточно выраженным. Данный факт, среди прочего, создает предпосылки для поддержания и даже увеличения общей социально-политической напряженности в обществе.

Модератор круглого стола СЕРГЕЙ ДЕМБИЦКИЙ

Получено 11.11.2019